

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА: НЕОКОНЧЕННАЯ РЕЧЬ В. И. ЛАМАНСКОГО ОБ А. С. ХОМЯКОВЕ

Алексей Малинов

В статье анализируется восприятие В. И. Ламанским личности и учения А. С. Хомякова. Ламанский считал себя последователем славянофильства, но не был лично знаком с Хомяковым. Они принадлежали к разным поколениям славянофилов: раннему и позднему, или академическому. Поздние славянофилы предложили систематизацию славянофильского учения и дали первые опыты рефлексии в рамках славянофильства. Ламанского и Хомякова сближал интерес к философии истории, хотя основания их интерпретации истории различались. Хомяков считал главной движущей силой истории религиозные верования, делил историю по вероисповеданиям. Ламанский в качестве определяющих историческое развитие моментов указывал на природно-климатические условия и язык. Вместо соперничества языков в современном мире, полагал Ламанский, приходит конкуренция всемирно-исторических языков, одним из которых является русский язык. Главную заслугу Хомякова Ламанский видел в отстаивании самостоятельной русской мысли, науки и культуры. Славянофильство означало переход от подражательного этапа в истории русской культуры к осознанию самобытности и цивилизационной самостоятельности России и славянства. Приводятся высказывания из писем Ламанского о славянофилах и неоконченная рукопись его речи о Хомякове, сохранившаяся в архиве. Рукописные материалы показывают, как сам Ламанский определял свое место в славянофильском движении и в чем видел отличие поздних славянофилов от родоначальников этого движения.

Ключевые слова: славянофильство, философия истории, В. И. Ламанский, А. С. Хомяков, цивилизационная концепция, архив, письма.

Санкт-Петербургский
государственный университет,
СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН

The article provides an analysis of Vladimir Lamansky's view on the personality and teachings of Aleksey Khomyakov. Lamansky considered himself a follower of Slavophilism, but he was never personally acquainted with Khomyakov. They belonged to different generations of Slavophiles: the early and late, or academic, Slavophilism. The late Slavophiles proposed a systematization of the Slavophil doctrine, they also tried to elaborate Slavophil approaches to solving philosophical, religious, and socio-political problems. Both Lamansky and Khomyakov were most interested in the philosophy of history. However, they interpreted it quite differently. Khomyakov considered religious beliefs to be the main driving force of history, and divided history by confessions. As to Lamansky, he regarded natural circumstances, climatic conditions and language as the most important factors of historical development. Instead of the rivalry of languages in the modern world, Lamansky believed, there is a competition of the world-historical languages, one of which is the Russian language. Lamansky gave praise to Khomyakov, who contributed much to the doctrine of Slavophilism and this way helped Russian philosophy, science and culture to become original and self-reliant. The article contains some statements from Lamansky's letters concerning Slavophiles. An unfinished manuscript of Lamansky's speech about Khomyakov taken from the archive is also published. Upon the analysis of these texts, the author of the article shows what Lamansky thought about himself as a Slavophil and what difference he saw between the late Slavophiles and the founders of this school.

Keywords: Slavophilism, philosophy of history, V. I. Lamansky, A. S. Khomyakov, civilization concept, archive, letters.

В истории славянофильского движения, как правило, выделяют несколько этапов. Чаще всего указывают на «раннее» и «позднее» славянофильство, реже упоминают неославянофильство начала XX в. Следующее за «ранними» поколение славянофилов обладало необходимой для рефлексии временной дистанцией, позволяющей оценить заслуги и отметить недостатки «московского кружка».

Со второй половины 60-х гг. XIX в. славянофильство перестало быть чисто московским явлением, вышло за пределы московских кружков и салонов и стало более заметным событием в русской духовной жизни. Идеи славянофилов были восприняты университетской наукой и легли в основу преподавания некоторых дисциплин: историографии (К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович), истории литературы (О. Ф. Миллер), славистики (В. И. Ламанский) и даже математики (московская философско-математическая школа), что позволяет, помимо «раннего» и «позднего», указать и на «академическое славянофильство». К заслугам академического славянофильства необходимо отнести попытку систематизировать славянофильское учение, предпринятую К. Н. Бестужевым-Рюминым и О. Ф. Миллером [13–15; 17–18].

Одним из ярких представителей такого академического славянофильства был Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), профессор Петербургского университета (1865–1899) и академик (с 1900 г.), создатель собственной научной школы славистики, ученики которой занимали большинство славяноведческих кафедр в России до революции. Однако сам Ламанский до сих пор не занял заслуженного места в истории русской философии, а изученность его творчества едва ли можно признать удовлетворительной. Реабилитации научного наследия Ламанского мы обязаны не историкам философии, а славистам Л. П. Лаптевой и М. А. Робинсону [3–4; 7–8]. Лишь в последние годы стали появляться исследования, рассматривающие исторические, политические и философские взгляды ученого.

Со своей стороны Ламанский мог несколько опосредованно относиться к родоначальникам славянофильства, поскольку принадлежал не только к другому поколению, но и к другому социальному слою дворянства, живущему службой и литературным трудом, относился к столичной университетской профессуре, а не к досужному московскому барству. Он оставил ряд рассуждений о деятелях славянофильского движения, в том числе об А. С. Хомякове.

Оценка Ламанского тем интереснее, что, подобно Хомякову, он отдал большую дань философии истории. Если главный философско-исторический труд Хомякова «Семирамида» был начат еще во второй половине 1830-х гг., а опубликован только в 1860 г., то последнее историософское сочинение Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» вышло в свет в 1892 г. В нем нашло законченное выражение философско-историческое учение, которое он разрабатывал с начала 1860-х гг. Три десятилетия, разделяющие труды Хомякова и Ламанского, демонстрируют эволюцию, которую претерпело славянофильство. Если историософия Хомякова преимущественно религиозна, то Ламанский следует в интерпретации истории уже природно-климатическому фактору и отно-

сит свое исследование к области политической географии, а не философии истории в строгом смысле.

Концепцию Ламанского можно в большей степени назвать цивилизационной. В основных чертах она сложилась во второй половине 1860-х гг., но оказалась в тени опубликованной в те же годы книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Вышедшая в один год с отдельным изданием «России и Европы» докторская диссертация Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) содержала близкий круг идей. Дружеские отношения и общение Ламанского с Данилевским не позволяют говорить об одностороннем заимствовании. Более того, ряд принципиальных соображений (о значении языка и политической независимости для формирования самобытной культуры, антагонизме романо-германского и греко-славянского миров) Ламанский, вероятно, сформулировал ранее Данилевского. По крайней мере, среди российских славистов, учеников Ламанского, бытовало убеждение в первоуродстве идей их учителя. Однако современные исследования не дают однозначного ответа на этот вопрос [2; 10].

Трактат Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» еще не оценен по достоинству в русской философии. Между тем, его можно считать завершающим текстом славянофильства, показывающим то направление философско-исторической и геополитической мысли, которое получило развитие уже в евразийстве. Критика западноевропейской культуры в раннем и позднем славянофильстве имеет свои особенности. «Предвосхищая тему всей последующей философии культуры, – отмечают современные исследователи, – мыслители славянофильского кружка говорили об угасании европейской цивилизации, связывая его с секуляризацией» [6, с. 23].

В отличие от ранних славянофилов Ламанский видит в истории не столько противоборство религиозных мировоззрений, сколько соперничество языков, осложненное географическими различиями, от которых зависит развитие цивилизаций. «Сущность славянофильства Ламанского, – пишет В. А. Куприянов, – заключалась именно в признании факта радикальной противоречивости Запада и России, и это оказалось результатом влияния на него дискурса гуманитарных наук того периода (середины XIX века). Именно развитие научного подхода к истории, лингвистике и психологии народов привело Ламанского к преобразованию исходной славянофильской мысли об особом историческом пути России и призыва к самобытности и культурной самостоятельности в идею цивилизационной разности и антагонизма России и Европы. Религиозная идентификация, столь важная для раннего славянофильства и положенная Хомяковым в основу его философии истории, отходит на второй план, а главное место занимают язык, географическое положение, национальные традиции и чувства народов» [1, с. 31].

Еще в студенческие годы (1850–1854) Ламанский проявил свои симпатии к славянофильству, о чем упоминал его друг-оппонент А. Н. Пыпин [19, с. 113]. В письме же к одному из гимназических друзей (1853) Ламанский отмечал: «По моему, Петерб[ург] и Москва имеют теперь громадное значение в том отношении, что малейшая склонность к внут-

ренному значению одной из этих двух столиц указывает на то или другое направление, на то или другое начало, которым следует в настоящее время всякий образованный (гармонически развитый) человек русский. Два направления, которые следует назвать восточным и западным... Я же, как тебе хорошо известно, склоняюсь более к восточникам» [22, л. 44 об.]. Первое знакомство Ламанского с работами Хомякова относится к этому же периоду. В своем дневнике 24 июля 1853 г. он записал: «Чувствую, что должен все больше, и больше, и больше становиться русским человеком, как читаешь сочинения таких людей, как Хомяков, Чижов, Самарин, и особенно эти мысли Валуева обнадеживают как-то, уважение и любовь выступают к русской старине» [26, л. 56]. Увлечение славянофилами было для Ламанского не только своеобразной компенсацией отсутствия философского образования, упраздненного в то время в российских университетах, но и важнейшим фактом его биографии, способом личностного и национально-культурного самоопределения.

Зная славянофильские пристрастия своего университетского друга и желая его позабавить, Д. Л. Мордовцев писал Ламанскому из Саратова 11 апреля 1860 г.: «...у меня в той комнате, которая выходит на балкон и к Волге, на особо устроенной и оббитой плющом “божнице” стоит портрет Хомякова, так что Алексей Степанович поставлен затылком к Волге, и мне хочется повернуть его спиной в комнату. Портрет этот поставлен таким странным образом, что когда к нам приходят попы с крестом, они ошибкой молятся на Хомякова, что несказанно радует Анну Никаноровну» [23, л. 14 об.].

Вероятно, в эти годы или вскоре после окончания университета состоялась его единственная встреча с Хомяковым. «Я примыкаю к Вам (славянофилам. – А.М.) только через Вас собственно, Попова и Гильфердинга. Я Хомякова видел только раз, с Вашим братом раза два, три, Киреевских никогда не видал», – упоминал Ламанский в письме И. С. Аксакову от 5 июля 1872 г. [21, л. 86 об.]. Встреча с Хомяковым произошла у И. И. Срезневского, университетского учителя Ламанского. Скорее всего, результатом этого краткого знакомства стало приглашение вступить в члены Общества любителей российской словесности, председателем которого был Хомяков. Он извещал Ламанского об избрании официальным письмом от 7 апреля 1860 г. Это единственное послание Хомякова, отложившееся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН: «Милостивый Государь, Владимир Иванович, Общество Любителей Российской Словесности, в заседании 6-го сего Апреля, избрало Вас в Действительные Члены. С особенным удовольствием извещая Вас о сем избрании, покорнейше прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности. Алексей Хомяков» [24, л. 1].

Последовавшая вскоре смерть московского славянофила прервала начавшееся общение, однако не охладила интерес Ламанского к личности и учению Хомякова. Четыре месяца спустя после неожиданной смерти Хомякова Ламанский писал И. С. Аксакову (5 февраля 1861 г.): «Я считаю себя счастливым, что мне удалось видеться с Вашим братом, также не перестану никогда бранить случая, помешавшего мне познакомиться с Хомяковым» [19, с. 85].

Научная деятельность Ламанского началась в Публичной библиотеке и Государственном архиве министерства иностранных дел, а его первые работы были посвящены русской истории XVIII в., в частности истории Академии наук. В 1859 г. и в 1860-е гг. он опубликовал большой массив архивных материалов по русскому XVIII веку, а также ряд исследований о М. В. Ломоносове, правда, неоконченных (всего более полусотни работ). К этому времени относится его письмо М. П. Погодину, в котором речь кратко заходит о Хомякове: «Я ставлю в заслугу покойному Хомякову и то, между прочим, что он чуть не первый указал на значение царствования Елисаветы, которую во многом напрасно оболгала Екатерина. Эта барыня для России совершенный Лудовик XIV... Елисавета... вообще была добрая, искренно любившая Россию, уважавшая человеческое достоинство из простоты души своей гораздо больше Екатерины, которая была только деликатнее в обращении [12, с. 373].

Сорок лет спустя Ламанский повторил свое заключение в отзыве на одно из конкурсных сочинений. «Справедливость требует заметить, что честь первой верной оценки ее значения в нашей истории принадлежит Хомякову», – писал он [29, с. 143]. Здесь же Ламанский приводил мнение Хомякова о русской императрице, высказанное в 1845 г. Оценка Ламанским царствования Елисаветы Петровны во многом повторяла заключения Хомякова и С. М. Соловьева. «В самом деле, – продолжал он, – отмена смертной казни, значительное ослабление деятельности Тайной Канцелярии по оскорблению Величества (при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне сюда относились и все резкие выражения частных лиц о петербургских немцах), заметное смягчение нравов, помилование Ломоносова – не вступи на престол Елисавета, он был бы приговорен к смертной казни или ссылке в Сибирь (Юсуповская комиссия), основание Московского университета – все эти дела царствования Елисаветы приготовили лучше явления так называемого века Екатерины. Под влиянием благотворных и освободительных мер этой доброй, умной, чисто русской государыни, искренно, не для показу, любившей Россию русский народ, всегда сознававшей непосредственную, кровную и духовную с ним связь, росли и воспитались многие, лучшие наши деятели второй половины XVIII в. – Болтин, Десницкий, Лепехин, Поповский, Порошин, Поленов, Новиков, Радищев, Фон-Визин и другие птенцы гнезда Ломоносовского» [29, с. 143–144].

С 1865 г. Ламанский преподавал в Санкт-Петербургском университете. 3 сентября 1865 г. он писал И. С. Аксакову в Москву: «Теперь весь занят лекциями. Начинаю во вторник, скажу вступительное слово, между прочим, о Хомякове, Киреевском, Вашем брате» [21, л. 69]. Действительно, уже в первой публичной лекции, обозначавшей направление его ученой и педагогической деятельности, Ламанский прямо относил себя к продолжателям дела славянофилов, ставя им в заслугу распространение интереса к славянству в русском обществе. «Горя об успехах славистики в России, – замечал он, – не могу умолчать о деятельности М. П. Погодина и той Московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов. Хомяков, Киреевский, К. Аксаков и др. сами не оставили никаких строго ученых трудов в области славистики, но они имели ог-

ромное влияние на ее успехи своими изданиями (Валуевский, Московский сборники, Русская Беседа и пр.), своим смелым обличением жалкого умственного бессилия, на которое добровольно обрекло себя русское общество вследствие своего подражательного направления и молчалинского отношения к Западу: “как нам смель свое суждение иметь”. Хомяков занимает, сверх того, очень важное место в истории панславистических идей. У славян южных и западных его имя пользуется общою сочувственною известностью: словаки справедливо его назвали пророком славянства» [27, с. 2].

Самого Ламанского за исследовательскую и преподавательскую деятельность на поприще славянской филологии стали именовать «патриархом славяноведения». Успехи славистики во второй половине XIX в. уже во многом были связаны с работами самого Ламанского и его учеников. В отличие от ранних славянофилов и Хомякова, бывших дилетантами, Ламанский и его школа заложили основы научного изучения славянства. Благодаря Ламанскому и его школе история славянских народов отделилась от славянской филологии и стала самостоятельной научной и учебной дисциплиной. Первая крупная работа Ламанского – магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) – была и первым в России историческим трудом по истории славян, написанным со славянофильских позиций [5]. В нем впервые был высказан славянофильский взгляд на исторические судьбы славянских народов.

Хорошее знакомство со славянскими землями, историей и языками славянских народов сформировало у Ламанского целостное восприятие славистики как дисциплины, побуждало комплексно рассматривать и оценивать историю и культуру славянских народов. С этой точки зрения категоричные и крайне односторонние высказывания Хомякова не могли удовлетворить университетского профессора. В письме И. С. Аксакову от 17 ноября 1880 г. он замечал: «Вы, Иван Сергеевич, очень талантливый писатель и хороший человек. Но Вы не требуете от себя той строгости, которой я требую от себя, хотя и очень плохой писака. Наприм[ер], Гёте с Бекетовым я не сравнивал, я только хотел Вам примером показать, что часто бывает в истории – люди совершенно на разных концах и друг другу неведомые или несочувствующие работают в одном направлении, для одного дела. Хомяков предъявлял запрос на самостоятельность русской мысли в положительном значении, а в это же время и даже раньше выступали отдельные русские умы и на деле заявляли самостоятельность и творчество русской мысли, которую сам Хомяков проявлял в философии и богословии, но не в филологии, в которой он был ужасен. Хомякову честь и слава, что он угадал гений Глинки и силу Иванова, и я не ставлю ему в вину, что он не знал некоторых русских ученых. Он был только неправ, говоря, что мы не выдумали даже мышеловки. Не презирайте так деятелей знания... В области духа Фет, А. Майков – величины меньшие, чем, напр[имер], Менделеев, открывший и объяснивший не какой-нибудь факт, а закон, который подтверждается и объясняется другими работами, опытами и открытиями. Нужно строго относиться к дуракам, тупицам и фанфаронам, но надо же образованным русским лю-

дям не только требовать самостоятельности русской мысли, но и уважать ее там, где она, слава Богу, проявляется» [21, л. 149–149 об., 147].

Главную заслугу Хомякова и славянофильства в целом Ламанский видел в развитии самостоятельной русской науки, философии, культуры. Пришла пора завершить подражательный период русской истории и начать мыслить самостоятельно, без оглядки на европейские авторитеты. Только так русская наука сможет встать вровень с западной наукой и приобрести мировое значение. Примером такого взросления русской науки Ламанский считал открытие Д. И. Менделеева, своего университетского приятеля. Первый опыт русского научного мышления Ламанский видел в творчестве М. В. Ломоносова. Последующий ход развития отечественной науки и ее мировое признание не только подтвердили убеждение славянофилов в необходимости преодоления подражательного периода и перехода к самостоятельной русской мысли, но и показал плодотворность некоторых их интуиций и концептов, например принципа целостности, получившего обоснование как в религиозном сознании, так и в естествознании, в частности в учении В. И. Вернадского [11, с. 645–656].

Заслуга Хомякова, согласно Ламанскому, состояла в пробуждении самостоятельности русской мысли и самодеятельности русской науки, хотя конкретные достижения самого Хомякова он оценивал достаточно скромно. «Несмотря на множество ошибок, всяких натяжек и крупных недостатков, неизбежных у всех самородков и самоучек, сильных в высшей и слабых в низшей критике, Хомяков является в истории русской мысли, литературы и образованности великим деятелем и писателем, но не в чем-нибудь целом, а в избранных отрывках. Такие гениальные самородки были у всех европейских народов. Их значение в истории как бы прообразовательное, их значение – предтеч. Они собою намечают и предсказывают будущих гениев» [28, с. 229]. Хомяков, полагал Ламанский, не создал нового направления в науке, не основал школы, не сделал важных открытий. Его значение – в другом: он указал путь, по которому должны последовать русские наука и культура, если они хотят выйти из провинциального прозябания и малопродуктивного подражания. Это путь самостоятельного поиска истины и опоры на народные начала в искусстве и литературе, раскрывающие гуманистическое содержание русской культуры. Недаром, признавая случайность и даже неуместность закрепившегося за этим направлением названия «славянофильство», Ламанский предлагал называть его народным или гуманистическим.

Ламанский не оставил крупных или даже отдельных работ о Хомякове. В отличие от своих друзей К. Н. Бестужева-Рюмина и О. Ф. Миллера, он не посвятил ему самостоятельного исследования, хотя и ощущал живую связь с лидером славянофилов. Упоминания Хомякова встречаются в трудах Ламанского редко. Не сохранилось и сведений об откликах Ламанского на столетнюю годовщину Хомякова (1904). Тем интереснее набросок речи о Хомякове, сохранившийся в архивном фонде Ламанского. Речь готовилась для выступления в Отделении русского языка и словесности Академии наук, поскольку после ухода из университета

деятельность Ламанского сосредоточилась в Академии наук. В начале 1900 г. он был избран ординарным академиком. В архиве рукопись датирована «после 1906 г.», вероятно, потому, что Ламанский упоминает в ней «недавно умершего» своего друга В. В. Стасова (1824–1906). В библиографии работ Ламанского, составленной П. Д. Драгановым в 1905 г. и включавшей в том числе и неопубликованные работы ученого, также нет ссылок на рукописи, которые можно было бы сопоставить с «Речью памяти А. С. Хомякова» [16]. Обращение к личности и учению Хомякова послужило для Ламанского поводом дать краткий очерк зарождения славянофильского движения в целом, из которого видно, насколько близко он воспринимал славянофильство. К большинству деятелей раннего славянофильства он высказывает личное отношение, вписывает их в свою биографию. К сожалению, черновой характер неоконченной рукописи не позволяет представить ее в виде самостоятельной публикации, но дает возможность привести ее составе исследовательской статьи:

«В последнем заседании II отделения с разрядом изящной словесности почетный академик Н. А. Котляревский предложил отделению посвятить памяти Хомякова публичное заседание, что он и прив.-доц. С. А. Адрианов готовы представить свои сообщения об этом писателе († 1872 году)¹.

Много обязанный Хомякову в этическом самовоспитании, в расширении умственного кругозора, за оригинальное освещение и анализ исторических культур Романской и Германской Европы и исторических судеб Греко-Славянского мира, я считал моим нравственным долгом просить Отделение и Разряд о позволении мне присоединиться сегодня к двум нашим писателям.

Не думая и не позволяя себе становиться на одну доску с двумя нашими покойными писателями – Д. А. Валуевым и А. Ф. Гильфердингом, двумя даровитыми питомцами и учениками Хомякова – я считаю себя, однако, вправе называть себя их соревнователем и продолжателем, хотя и был непосредственным учеником многоуважаемого профессора и академика Срезневского. Валуев умер очень рано, едва ли достигши 25 лет в начале 50-ых годов, и оставил по себе немного работ, но все труды многоценные по истории России и земель славянских. Старше меня лишь двумя годами Гильфердинг умер жертвою научной любознательности, заразившись тифом на пароходе на Онежском озере во вторую свою поездку в Олонецкий край, при записывании былин. Гильфердинг совершил в разные годы еще два плодотворных путешествия – по Боснии и Герцеговине и по Македонии, оставил по себе целый ряд важных трудов по истории балтийских славян, истории Сербии и Болгарии и много статей о разных исторических и политических западнославянских вопросах, наконец, он соорудил себе прекрасный памятник превосходным сборником онежских былин.

Оба (Валуев и Гильфердинг. – А.М.) эти даровитые птенцы гнезда Хомякова оставили по себе большой след и в русской истории и в славяноведении. С сочинениями Хомякова я стал знакомиться еще студентом,

¹ Указан год смерти А.Ф. Гильфердинга, о котором далее идет речь. – А.М.

но лично был с ним не знаком, и только один вечер, навсегда мне памятный, как-то зимой 50-х гг. в Петербурге на дому у Срезневского я видел и слушал Хомякова, неожиданно приехавшего с отцом Гильфердинга. Когда я бывал в Москве в 50-х и 60-х гг., очень, впрочем, не часто зимою, я ни разу не мог увидеть Хомякова, проживавшего тогда в деревне, не видал ни разу и братьев Киреевских; но близко, впрочем, познакомился с В. А. Елагиным, их братом и К. Аксаковым. Впоследствии я познакомился ближе с Ю. Ф. Самариним. От В. А. Елагина, очень образованного человека и занимавшегося историею Венгрии, я слышал очень много интереснейших подробностей о Хомякове, Киреевских и особенно Валуеве, воспитанном Киреевскими. Еще мальчиком он поражал их всех не только выдающимися способностями, но необыкновенною энергиею и силою воли и, главное, спокойным беспристрастием – ничем бывало нельзя его было испугать. Окончивши университет в один год с С. М. Соловьевым, Валуев прибрал к рукам своих дорогих и обожаемых им воспитателей и всем им заказывал работы для задуманных им сборников о России и славянских землях. Сам приготовил прекрасную работу о местничестве и выпустил в свет известный “Симбирский сборник”.

Валуева я не знал, так как он умер, когда еще о нем я и не слышал и не был еще студентом. Гильфердинг почти половину своей жизни провел в Петербурге, и я был близко с ним знаком и принадлежал к кругу его близких приятелей. Отец Гильфердинга, кончившего Московский университет, был очень близок к Хомякову, старому приятелю его отца. От Гильфердинга-отца и сына его, считавшего себя учеником его, от А. Н. Попова, воспитанника Московского университета, старого знакомого и почитателя Хомякова, автора прекрасной книги о Черной горе, известного историка-юриста, много работавшего по русской истории, особенно от В. А. Елагина – родного брата по матери братьев Киреевских, от близко мне знакомого, сильного и энергического деятеля и писателя, часто бывавшего в нашей семье Ф. В. Чижова, от двух братьев Аксаковых – Константина, с которым я понедолгу и редко видался в Москве и в короткое его пребывание в Петербурге, когда совсем больной он уезжал на остров Корфу, где и скончался, я получил много ценных сведений и воспоминаний о Хомякове и его ближайшем круге друзей. С Иваном же Аксаковым, последним представителем этой даровитой семьи и младшим сыном крупного художника-писателя, я был постоянно до его смерти в дружеских отношениях и тоже много слышал о Хомякове. Сверх Аксаковых, я имел случай познакомиться с Ю. Самариним.

Этот так называемый “славянофильский” кружок (кружок Хомякова, Аксаковых, Киреевских) не пользовался [поддержкой] ни нескольких молодых тогда профессоров М[осковского] унив[ерситета], ни Белинского в Петербурге, тогдашнего властителя дум молодого поколения, ни также Третьего отделения и его правителя Дубельта, чему я и представил свидетельства в статье моей о Чижове.

Самый даровитый и сильный из тогдашних противников этого кружка – А. И. Герцен – в своих воспоминаниях за границей всегда вспоминал с чувством любви и уважения о Хомякове и его друзьях, называя их друзьями-противниками и противниками друзей. Прибавлю, что и Хо-

мяков, в свою очередь, отозвался об умершем Чаадаеве – своем главном антагонисте – с любовью и глубоким уважением.

У нас пока мало замечали, что эта кучка и кружок московских славянофилов имели своих давних предшественников и как бы родоначальников в учениках Ломоносова – Поленове, Лепехине и других крупных писателях Екатерининской эпохи и в других русских замечательных деятелях к[онца] XVIII и первого тридцатилетия XIX в. – Болтине, Фонвизине, Новикове, Чулкове, Суворове, Ермолове, Крылове, Грибоедове, Пушкине, братьях Александре, Сергее и Николае Тургеневых, Надеждине, Дале, Погодине, стремившихся к самостоятельности русской мысли и не немногих из них, почти вполне успевших освободиться от подражательности. Таковы в особенности были – в русской литературе и нашем просвещении – Грибоедов и Пушкин.

Преждевременная их смерть прервала внутреннюю и внешнюю связь, соединявшую их с так называемым кружком славянофилов, выступавших уже на поле деятельности в 40-ых, 50-ых и 60-ых годах. В конце 40-ых до вступления на престол Александра II они были вынуждены к молчанию. Но связь их с Жуковским, кн. Вяземским, Веневитиновым, Баратынским, Гоголем, кн. Одоевским всего лучше доказывает, что кружок так называемых московских славянофилов – Хомякова, Киреевских, Аксаковых – далеко не случайное и не напрасное явление русской образованной жизни и литературы. Напротив, она имела свои исторические корни и медленно, но естественно распускала свои отпрыски. Она же дала не одного крупного писателя-художника – С. Т. Аксакова, Кохановскую. Алексей Толстой примыкал к ней, как и Островский вместе с талантливым и образованным критиком, но несколько опустившимся Ап. Григорьевым. То же самое могу сказать о довольно близко мне известном, таком образованном критике – Стрехове и нашем гениальном писателе Ф. М. Достоевском, уважавшем славянофилов и во многом им сочувствовавшем.

Яростные противники славянофилов в 50–60-х годах не умели или не хотели признать их возрастающего влияния в просвещенных и образованных кругах русского общества. Москвичи – Погодин, Шевырев, профессора – Лешков, Беляев, петербургские профессора – Срезневский, Калмыков, Неволин, Бестужев-Рюмин, Ор. Миллер, ориенталисты, близко мне знакомые, Григорьев, Равентев [?], Васильев, Захаров – все они в борьбе “Русского Вестника” с “Русскою беседою” по вопросам о народности, самостоятельности русской науки принимали сторону “Русской беседы”.

Хомяков не принадлежал, конечно, к нашим великим, правда, очень немногим поэтам, но нельзя отрицать его поэтического дарования, признанного Пушкиным. Но как прозаик, он, конечно, один из лучших наших писателей. У него, как у всех писателей, быстрых мыслями с художественным дарованием и сильным оригинальным умом, мы находим целые страницы превосходных образцов русского прозаического языка, полного меткостью, богатством слов и удачных выражений.

Хомяков после первого виденного им представления “Жизни за царя” приветствовал в Глинке первого русского оригинального композито-

ра. “Руслана и Людмилу” Хомяков, вероятно, не видал, в Петербурге первоначально она не имела успеха, и поэтому долго ее не возобновляли в Петербурге, а в Москве, вероятно, и не давали. Эпизод “Жизни за царя” Хомяков первый назвал *чудное создание современного искусства*.

У Хомякова есть прекрасные страницы о многолетнем подражании западных художников греческой архитектуре, пластике... “Та же участь постигла и все другие самобытные стили. Все они усвоены новейшею Европою, а особенно Германиею: но надобно отдать честь Баварии, она в этом роде перецеголяла всех. Чего ни попросишь, она всем готова потчевать – и греческим, и римским, и готическим, и византийским. Бавария готова и картины писать во всех возможных стилях...”

Германия говорит своему художнику: “слепи мне фигуру в греческом вкусе”, и художник принимается за дело. Ему бы следовало сказать, что он не эллин, что он не поклоняется богам олимпийским, что он родился не под тем небом, воспитан не тою жизнью, – а он лепит себе да лепит. Грек в последствии своего исторического развития обоготворил вещественную красоту и силу, поклонявшийся с религиозным трепетом своим пластическим идеалам, созидал формы, одушевленные чудною гармониею, и передавал покорному камню часть того художественного духа, той глубокой и чистой любви к вещественному, которыми сам жил во всей полноте своей жизни. Это делал эллин, и никто, кроме эллина, не сделал и сделать не может. Когда и для него настала минута отвлеченной мысли, когда Платон и Аристотель открыли новую область красоты духовной и знания, тогда поблекли прежние идеалы. Вещественная красота перестала быть предметом религиозного поклонения, она перестала также посылать художникам полное вдохновение. И неужели после стольких веков и стольких опытов и стольких прямых и кривых мудрствований немец, или европеец вообще, возвратит улетевшее вдохновение эллинского ваятеля? Когда Анакреон с глубокою и безотчетною любовью воспевае дивную красоту вещественных форм или Пракситель передает ее камню, в них дышит какая-то невинность младенческого невежества, не знающего еще сомнения, и поэтому – порока. Венеры новейших скульпторов сладострастны: и когда *великий* Гёте нанизывает стихи своих римских элегий, беспристрастный читатель (если он одарен истинным духом изящного) видит сквозь искусство поэта уродливое сочетание важной и задумчивой головы немецкого ученого с полуживотным туловищем козлоного сатира. Это вечный диссонанс. Зодчество древнее так же мало дается новейшим, как и ваяние...

Не легче греческого досталось и готическому стилю. Красота же его как будто доступнее и меньше требует изучения. Были бы столбики да высокие стрельчатые своды, да стрельчатые окна, да башенки с каменными кружевами: вот и готическое здание. Недостает малости: недостает той жизни средних веков, которою веет от старых соборов Запада; недостает той силы дикого разгула личности и таинственно грозящей религии, с глубоким сокрушением сердечным, с постоянною борьбою между страстями, не привычными к покорности, и бурными восточными суевериями, *искушающего внутренний разврат человека вечными страданиями и подвигами*. Нет того, чем двигались крестовые походы, или того,

чем кипела и волновалась Европа. Нет ни бури сердца человеческого. Кто строил храмы среди волков? Кто слагал народные песни? Жизнь народная во всей ее полноте. А теперь и рационалист, чуждый всякому верованию, кроме верования в самого себя, и протестант, недогадливый предшественник рационалиста, и пиетист образованный [– все жилки и крылья у души для того, чтобы она не встала на ложные пути] – все берутся за готические храмы. Зато, так как они не созданы горячим вдохновением, они ничьей души и не греют; так как они не созданы потребностью молитвы, молитва в них не заходит. И все-таки ни одному художнику западному и особенно немецкому не придет в голову, что он не способен воскрешать готическое искусство”.

Статьи Хомякова о безнародности и мертвенности тогдашнего русского и вообще европейского искусства – живописи, скульптуры и архитектуры, силившихся подражать чужим прошедших веков стилям, нашли себе даровитого и искреннего продолжателя в недавно умершем крупном деятеле нашем – В. В. Стасове. Точно так же он раньше Стасова приветствовал в Глинке и Иванове двух великих самобытных русских художников. В статьях Стасова “Наши художественные дела о судьбах искусства за последнее столетие” 1869 г., в нескольких страницах о Хрустальном дворце в Лондоне (в статье “Столицы Европы”, имела быть она 1876 г.), [“Русский народный орнамент, ткани, кружева”] и вообще в главных, больших трудах Стасова, посвященных русскому искусству, старому и новейшему, вы найдете дальнейшее развитие и не немногих высказанных Хомяковым мыслей, наблюдений и чаяний относительно древнего, старого и ожидаемого будущего русского искусства: музыки, живописи, ваяния и архитектуры.

Строго внимательно изучал Хомяков Канта, Шеллинга и Гегеля, в постоянном дружеском общении с Киреевским Иваном и Самариним Юрием, одинаково развившим и закалившим свой ум в чистых, холодных струях кантовской философии, он убедился, что историк обязан вникать в начала и судьбы умственных движений, господствовавших в тех или других странах и народах разных веков, так как, говорил Хомяков, “развитие судеб человечества темно для того, кто не понимает его духовного развития”. Значение исторических эпох и народов растет и поднимается, поскольку сильнее и ярче проявляются близость ума и свободная жизнь духа. Так, остановясь на Арабах VII–IX в., Хомяков указал на развитие наук и искусств (зодчества и поэзии), об усовершенствовании торговых путей, о смелых и предприимчивых путешественниках арабских и при этом [на] непрерывные войны, раздоры, набеги. “Там, где жив дух, жизнь кипит во всех его проявлениях и во всем многообразии общественного организма. Ислам еще не совершил своих путей и не обличил себя в безысходной лире. Человечество еще черпало в нем вдохновение и надежду: оттого-то и области его цвели богатством вещественным и духовным, несмотря на вечную войну, а эти самые области (Испания, Персия, Африка, Сицилия и др.) в наше время в руках тех же мусульман и христиан обратились, несмотря на долгий мир, в пустыню для глаза и в пустыню для души. Бесчувственная дремота убийственнее меча для народов и для человечества”.

При всей ограниченности ислама и недолговечности его процветания, Хомяков старается выставить все прекрасное, что было у арабов в цветущую пору их развития.

“Едва ли какая-нибудь царская династия может представить лица столь чистые в нравственном отношении, как некоторые из первых халифов. Так, напр., этот Омар владыка бесконечного царства от берегов Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашнего расхода суммою, которою пренебрег бы даже небогатый частный человек. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанина, которому закон разрешал многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью, были единственной роскошью его царской палаты. Отравленный, как кажется, родственниками, он отвечал приближенным, предлагавшим ему врачебную помощь: ‘К чему мне мучиться? Разве не благ мой Бог, да пойду к нему?’, а тем, которые предлагали ему отыскать отравителей, он отвечал: ‘Я не хочу их знать, чтобы не быть в необходимости казнить их’. Многие другие халифы были подобны этому царскому отшельнику; но самые их добродетели были несовместимы с новым государственным значением халифата”. Ислам требовал войны и насилия для обращения в него народов покоренных.

Приведу еще одно прекрасное место из Хомякова относительно Византий при иконоборцах. “Династия восточных иконоборцев на престоле византийском заслужила благодарность империи, несмотря на распри и раздоры религиозные, и пробужденная ими энергия продолжала еще проявляться несколько времени после их прекращения.

Такова разница между раздорами, протекаемыми из какого бы то ни было движения мысли религиозной, нравственной или общественной, и раздорами, возникающими из частных выгод и требований. Споры мелких итальянских династов или немецких князей губят Италию и Германию. Английская и Французская революции возвышают Англию и Францию[”].

Хомяков написал несколько французских брошюр и несколько английских писем к одному духовному лицу английскому, посвященных объединению церквей.

Объединение христианства и прекращение войн, и восстановление мира и братства между народами давно признаны огромным большинством и благоразумных и практичных людей. Наша духовная и светская цензура долго не допускала в Россию эти французские и английские брошюры. Но мало-помалу, особенно после русского перевода их, изданного Самариным в Праге, они проникли и в наши духовн[ые] академии], и молодые поколения ознакомились с Хомяковым.

Самарин в своем предисловии сказал, что Хомякова следует назвать учителем церкви. Это сравнение Хомякова с отцом церкви первых 5 веков христианства возмутило у нас многих благочестивых людей из высшего и низшего духовенства.

Но не один Самарин выразился так о Хомякове. – В 60-х гг.» [25, л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8].

На этом рукопись обрывается. Повторы и обширные цитаты указывают на то, что перед нами черновик. Достоверно не известно, по какой

причине «Речь памяти А. С. Хомякова» не была окончена. Вероятно, последовавшие в скором времени физические недуги остановили работу ученого.

«Речь памяти А. С. Хомякова» – один из немногих текстов Ламанского, в которых он дает общую, хотя во много и сумбурную, характеристику славянофильского движения. Работ по истории славянофильства он не оставил. Тому, вероятно, есть несколько причин, главная из которых состоит в том, что он не считал дело и учение славянофилов завершенным, а значит, еще не пришло время для написания его истории. Сознывая свою причастность к славянофильству, он не был готов подводить итоги, фиксируя исчерпанность славянофильской программы. Общим для Хомякова и Ламанского было следование гуманистическим и христианским ценностям, присущим славянской культуре [9].

Если Хомяков стоял у истоков славянофильства, то учение Ламанского показывает те перспективы, которые открывались перед славянофилами. Первая мировая война положила конец иллюзиям о славянской взаимности и братстве, а формирование отдельных славянских государств подтвердило его опасения в их культурной и политической несамостоятельности. Однако концепция греко-славянского мира, предложенная Ламанским, получила развитие в теории евразийцев, наглядно показывая преемственность этих двух направлений русской мысли.

Литература

И с с л е д о в а н и я

1. *Куприянов В.А.* Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33.
2. *Куприянов В.А.* Теория славянской взаимности в философии позднего славянофильства (В. И. Ламанский и Н. Я. Данилевский) // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. в 2-х т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, РХГА, 2017. С. 145–150.
3. *Лаптева Л.П.* В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX вв. // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 118–129.
4. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.
5. *Малинов А.В.* Магистерская диссертация В. И. Ламанского // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 36–46.
6. *Панфилова М.И., Трофимова Е.А.* «Самобытники» в поисках цельной истины // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: Сборник научных статей / Под ред. О. Д. Маслобоевой. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 21–30.
7. *Робинсон М.А.* В. И. Ламанский и его трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. 1996. М.: Индрик, 1997. С. 90–106.
8. *Робинсон М.А.* Регионы Европы в историософском трактате В. И. Ламанского «Три мира азийско-европейского материка» // Славяноведение. 2019. № 3. С. 4–12.

9. *Савицкий А.* Что значит быть славянином в современном мире? К проблеме славянской идентичности // *Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии.* 2017. № 2 (2). С. 7–16.
10. *Селиверстов С.В.* «...я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860–1880-е годы // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. № 32. История. Вып. 35. С. 116–125.
11. *Naldoniová L.* Philosophical and scientific interaction between Vladimir Vernadsky and Pavel Florensky // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* 2020. Т. 36. № 4. С. 645–656.

Источники

12. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904.
13. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // *Отечественные записки.* 1862. № 2. Т. CXL. С. 679–719.
14. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая // *Отечественные записки.* 1862. № 3. Т. CXLI. С. 26–58.
15. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя // *Отечественные записки.* 1862. № 5. Т. CXLII. С. 1–23.
16. *Драганов П.Д.* Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии // *Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности.* СПб., 1905. С. XI–LVIII.
17. *Миллер О.Ф.* Основы учения первоначальных славянофилов // *Русская мысль.* 1880. Кн. I. С. 77–102.
18. *Миллер О.Ф.* Основы учения первоначальных славянофилов // *Русская мысль.* 1880. Кн. III. С. 1–44.
19. *Переписка двух славянофилов // Русская мысль.* 1916. Кн. XII. С. 85–114.
20. *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996.
21. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.
22. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76.
23. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 992.
24. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1474.
25. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 104.
26. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2.
27. *Ламанский В.И.* Вступительное чтение Доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М.: Тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865.
28. *Ламанский В.И.* [рецензия] Пыпина А.Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // *Живая старина.* 1890. Вып. II. С. 218–233.
29. *Ламанский В.И.* Разбор сочинений заслуженного профессора Императорского Новороссийского университета Ал. Кочубинского «Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739)» Одесса, 1899 // *Отчет о сорок втором присуждении наград графа*

Уварова (Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII série. Том VI. № 2). СПб.: б. и., 1902. С. 139–144.

Malinov, Aleksey V. *From the history of academic Slavophilism: an unfinished speech by V. I. Lamansky about A. S. Khomyakov*

References

1. Kupriyanov, V.A. (2018), *Rossiya i Yevropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A. S. Khomyakov i V. I. Lamanskiy)* [Russia and Europe in the early and late Slavophilism (A. S. Khomyakov and V. I. Lamansky)], in: *Solovyovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], no. 2, pp. 21–33.
2. Kupriyanov, V.A. (2017), *Teoriya slavyanskoy vzaimnosti v filosofii pozdnego slavyanofil'stva (V. I. Lamanskiy i N. Ya. Danilevskiy)* [The theory of Slavic reciprocity in the philosophy of late Slavophilism (V. I. Lamansky and N. Ya. Danilevsky)], in: *Russkiy logos: gorizonty osmysleniya. Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g. v 2-kh t., tom 1* [Russian logos: horizons of reflection. Materials of the international philosophical conference, St. Petersburg, September 25–28, 2017, in 2 vols, vol. 1], Intersocis, RChHA, St. Petersburg, pp. 145–150.
3. Lapteva, L.P. (1997), *V. I. Lamanskiy i slavyanskaya tema v russkikh zhurnalakh ru-bezha XIX–XX vv.* [V. I. Lamansky and the Slavic theme in Russian journals at the turn of the 19th – 20th centuries], in: *Slavyanskiy vopros: Vekhi istorii* [Slavic question: Milestones of history], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, pp. 118–129.
4. Lapteva, L.P. (2005), *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [The history of Slavic studies in Russia in the 19th century], Indrik, Moscow.
5. Malinov, A.V. (2017), *Magisterskaya dissertatsiya V. I. Lamanskogo* [Master's thesis of V. I. Lamansky], in: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical news of SPbSPU. Humanities and social sciences], no. 4, pp. 36–46.
6. Panfilova, M.I., and Trofimova, E.A. (2019), “Samobytniki” v poiskah tsel'noy istiny [“Samobytniki” in search of the whole truth], in: Masloboeva, O.D. (ed.), *Poisk istiny i pravda zhizni v prostranstve sovremennoy kul'tury: Sbornik nauchnykh statey* [Search for truth and the truth of life in the context of modern culture: Collected scientific articles], SPbSEU, St. Petersburg, pp. 21–30.
7. Robinson, M.A. (1996), *V. I. Lamanskiy i yego traktat “Tri mira Aziysko-Yevropeyskogo materika”* [V. I. Lamansky and his treatise “Three worlds of the Asian-European continent”], in: *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac], Indrik, Moscow pp. 90–106.
8. Robinson, M.A. (2019), *Regiony Yevropy v istoriosofskom traktate V. I. Lamanskogo “Tri mira Aziysko-Yevropeyskogo materika”* [Regions of Europe in V. I. Lamansky's historiosophical treatise “Three worlds of the Asian-European continent”], in: *Slavyanovedenie* [Slavic studies], no. 3, pp. 4–12.
9. Savitski, A. (2017), *Chto znachit byt' slavyaninom v sovremennom mire? K probleme slavyanskoy identichnosti* [What does it mean to be a Slav in the modern world? To the problem of Slavic identity], in: *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(2), pp. 7–16.

10. Seliverstov, S.V. (2009), "...ya smotryu neskol'ko menee optimisticheski": k voprosu ob intellektual'nykh vzaimootnosheniyakh N. Ya. Danilevskogo i V. I. Lamanskogo v 1860–1880-e gody ["...I look somewhat less optimistic": to the question of intellectual relationships between N. Ya. Danilevsky and V. I. Lamansky in the 1860–1880s], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], no. 32, pp. 116–125.
11. Naldoniová, L. (2020), Philosophical and scientific interaction between Vladimir Vernadsky and Pavel Florensky, in: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology], no. 4, pp. 645–656.